

Затем идеи «Второго Учителя» стали известны и его ученику – Ф. Аквинскому. Перефразируя Х.-Г. Гадамера можно утверждать, что аль-Фараби в восточно-западном дискурсе способствовал не расхождению, а «схождению горизонтов».

Интеллектуальное наследие аль-Фараби по проблеме универсального – это предыстория концептологии. Корни же ее – в античной философии, в трудах Платона и Аристотеля. Именно в универсалиях философии располагаются истоки понимания универсалий-концептов языка и культуры. От философии к филологии – таков глобальный генезис концепта и концептологии.

Литература

1. Соколов, В.В. Средневековая философия / В.В. Соколов. – М., 1979.
2. Аль-Фараби. Комментарии к «Категориям» Аристотеля / Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А.В. Сагадеева. – М., 2009. Т.1.
3. Неретина, С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям / С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – СПб., 2006.

Семенюк В. А. Евразийская философия: древние истоки

Восточная философия культивирует непосредственное восприятие мира, не втискивая мысль в те жесткие логические и рационалистические формы, в которые обычно облекается философская мысль Запада. Восточными мыслителями цель жизни и жизнь не рассматриваются в отрыве друг от друга. Они не просто провозглашают истину, но одновременно стремятся указать путь к ней.

Еще в глубокой древности в Евразии сформировался общий фонд идей, своеобразный «резервуар» народной мудрости. Подобно языку он не принадлежал никому в особенности, а был похож на воздух, которым дышал всякий живой и мыслящий человек. Практически почти во всех системах индийской философии присутствует идея сансары, т.е. мысль о переселении душ людей после их смерти в тела других людей или даже в животных и растения. Следующая идея – это идея кармы: в соответствии с этим нравственным «законом», все дела, добрые и злые, влекут за собой соответ-

ствующие результаты при последующих перевоплощениях души. И, наконец, еще одна общая всем индийским философам идея – понятие мокши: возможность добиться освобождения от череды перевоплощений и кармических связей посредством кардинального изменения сознания человека и достижения иного типа сознания, главными характеристиками которого являются всеведение, безмятежность, спокойствие и блаженство.

В Евразии всегда существовала тесная связь между религией и философией. Здесь отсутствует то четкое их различие, которое мы преимущественно встречаем на Западе. Европейская философия старается по возможности не смешивать рациональные и теологические доводы и, даже защищая определенную религиозную позицию, тем не менее, остается все же в рамках философской доктрины. Так, в индуизме, уживаются и причудливо сочетаются философия и религия, а границы между умозрением и верой оказываются чаще всего сильно размытыми. Как и для других сфер духовной деятельности, для философского творчества Евразия характерна своего рода «безликость»: индивидуальное начало в нем, во всяком случае, в древний и средневековый периоды, постоянно нивелируется, растворяясь в мощном потоке коллективного творчества многочисленных школ и направлений.

Еще одна отличительная особенность в евразийской философии ее слабая, значительно меньшая, чем, к примеру, в Древней Греции, связь с собственно научной мыслью. Хотя здесь отдельные элементы естественнонаучных знаний вплетались в религиозно-мифологическую идеологию, а жрецы, эти профессиональные служители религиозных культов, одновременно выступали главными носителями учености и знаний, все же более тесная и органичная связь с научной мыслью для индийской философии была не свойственна. В лучшем случае речь может идти лишь об использовании философами накопленного в течение тысячелетий житейского опыта в отдельных областях знаний, например, логических разработок системной или медицинских наблюдений школой йоги.

Особенность евразийских философов выражается в стремлении познать мир главным образом через проникновение в глубины человеческого сознания, посредством исследования психических процессов и методического упражнения воли. В осознании того, что степень при-

близжения к истине зависит от способности стремящегося к этой истине сделать ее результатом своего непосредственного личного опыта, – одно из величайших достоинств индийской философии.

Повышенное внимание евразийских мыслителей к внутреннему миру человека нередко оборачивалось невниманием к тому, что их окружало, – к проблемам государственного и политического устройства, к условиям внешней жизни, к быту.

Среди неортодоксальных систем особое место принадлежит материализму, для обозначения сторонников которого в Индии употреблялись два термина – локаята и чарвака. В стремлении низвергнуть жреческую монополию на истину индийские материалисты заявляли, что реально существует лишь материя в ее различных формах, т.е. этот мир. Никакого иного, потустороннего мира, с его раем и адом не существует. Нет, и не может быть души отдельно от тела, а рассудок и сознание возникают из сочетания отдельных физических элементов. Разъединение же этих элементов неизбежно приводит как к смерти тела, так и к гибели души. Решительное отстаивание таких принципов приводило локаятиков к необузданному гедонизму, к призывам не отказываться от «наслаждений, которые по самой природе присущи нам», а «разумно пользоваться наслаждениями».

Что касается джайнизма, то его приверженцы не отвергали «закон» кармы и принцип переселения душ, а в качестве достойной для человека цели считали следование идеалу мокши. Помимо этого джайнисты придерживались учения о всеобщей одушевленности всего существующего в мире, что побуждало их наделять сознанием даже неорганические тела, а души людей трактовать как полуматериальные субстанции, сопряженные с телом и подверженные росту вместе с ним. Это приводило джайнизм к примитивной форме панпсихизма, вследствие чего главным принципом джайнистской этики объявлялась ахимса (ненанесение вреда живым существам).

Современные джайнисты продолжают придерживаться учения о ненасилии. Они принимают участие в кампаниях за ядерное разоружение, пропагандируют вегетарианство и отказываются от использования подопытных животных в научных лабораториях. Избираемые ими занятия должны быть свободны от какого-либо насилия.

Среди них нет крестьян, труд которых неизбежно наносит вред живому. Честность и порядочность джайнистов позволяют им за-

нимать видные позиции в финансово-экономической жизни Индии, в частности среди сборщиков налогов, участвовать в благотворительных акциях, успешно трудиться в различных областях науки, искусства и литературы.

Буддизм – самое значительное в Евразии религиозно-философское учение. Как локаюту и джайнизм его относят к неортодоксальным философским системам. Он одновременно — и первая по времени зарождения мировая религия, появившаяся намного раньше христианства и ислама (христианство возникло приблизительно через пятьсот лет после буддизма, ислам – более чем через тысячу лет). Возникнув на Индийском субконтиненте, буддизм затем в начале I тысячелетия начинает выходить за его пределы и распространяется по земному шару. Он решительно переступает этноконфессиональные и этногосударственные границы, становится религией самых различных народов с совершенно разными культурными традициями. Сегодня буддизм простирается от Ланки (Цейлона) до Тувы и Бурятии, от Калмыкии до Китая и Японии; продолжается начавшийся в конце XIX века процесс распространения буддизма в Европе и Америке. Основным регионом, где его влияние наиболее заметно, является Азия (исключая Ближний и Средний Восток).

И хотя у себя на родине в Индии буддизм исчез еще к XII веку, будучи поглощенным индуизмом, тем не менее и здесь его влияние ощущается везде и всюду: в мифологии и религии, в искусстве и народных традициях, в космологии и монашеских обрядах.

Название буддистской религии, а также развившихся на ее основе философских систем происходит от прозвища Будды, которое заслужил у своих последователей принц Сиддхартха Гаутама, родившийся в Капилавасту, городе, который сегодня располагается в Южном Непале.

Несмотря на общие черты, сближающие буддизм с другими мировыми религиями, в нем есть много специфически особенного. Во-первых, в отличие от христианства и ислама, буддизм не является религией божественного откровения. Он вообще – не теистическое учение. В нем нет места понятию бога, а его основоположник не объявлял себя ни божеством, ни его посланцем. Во-вторых, целый ряд мировоззренческих вопросов, на которые христианство и ислам

дают четкие и однозначные ответы в духе присущих им провиденциалистских и эсхатологических идей, буддизмом вообще оставляются без внимания. В этой связи нельзя не упомянуть так называемого «благородного молчания» Будды.

Помимо этого, в лоне буддийской традиции причудливо переплелись религия и философия. Разветвленная мистическая практика в этой традиции соседствует с глубокой метафизикой. Буддизм невозможно свести только к религии, только к философии, только к этике, только к технике созерцания и медитирования. Все это в буддизме существует в нерасчлененном единстве, будучи завязанным в теснейший узел, распутать который не так-то просто.

Уваров Л. В., Лойко А. И. Красота гармонии и «этическая аксиома» Ф. Достоевского

Впервые идею гармонии как взаимной нравственной красоты «микрокосма» и «макрокосма» выдвинул древнегреческий философ и математик Пифагор. Он полагал, что красота «макрокосма» открыта лишь тому, кто ведет прекрасно устроенный образ жизни, то есть поддерживает порядок и красоту в своем «микрокосме». Поиск особенностей такой гармонии ее базисного значения для понимания сути духовно-нравственной реальности не прекращается до наших дней. Как и не прекращается всестороннее обсуждение исходных методологических тезисов античности – «все содержится во всем», «во всем есть часть всего», «часть равна целому», «часть больше целого» – для уяснения соотношения нравственной значимости личности и коллектива, части и целого, одного и всех. Здесь в частности, следует напомнить гениально сформулированную Ф.М. Достоевским этическую аксиому: нельзя жертвовать даже одним «крохотным, невинным человеческим существом» ради счастья всего человечества. И в этом смысле любой человек в своей самоценности, неповторимости равен каждому другому в отдельности и всем людям вместе.

Ученики Пифагора ввели понятие «калокагатия» как принцип нравственного совершенства, или синтез телесной и духовной красоты. Последняя означает добро как мудрость, мужество, дружбу и справедливость. В дальнейшем обосновании калокагатии Сокра-